

—А в эти летние дни под окнами нашего измирановского дома по шоссе в сторону Мамоново, то есть польской границы, тянулись войска. Ночью земля дрожала от танковозов. Мобилизовывались резервисты. Многие из ладушкинских мужиков были призваны и находились теперь в полевых лагерях близ границы. К ним ездили их жёны и привозили оттуда сведения, что вроде бы на Чехословакию повезут. Подвыпившие мужики около универсама распевали военно-патриотические песни: "Если завтра война, если завтра в поход..."

—Призвали и Гену Бирюкова в качестве старшего лейтенанта медицинской службы. Он приезжал из Мамоново домой и рассказывал, что парт-политработники в открытую не говорят, но довольно недвусмысленно намекают, что идём помогать чехам, которым якобы грозит оккупация со стороны ФРГ.

—В эти-то дни и пригласила как-то нас с Сашенькой к себе в гости Алла Николаевна Суходольская, по какому уже поводу - не помню. Но помню - она заранее предупредила, что в числе гостей будет второй секретарь Багратионовского райкома партии Борисенко, умный, по её мнению, человек, с которым мне, наверное, будет интересно поспорить по вопросам политики, тем более что Борисенко сам такие споры любит.

—Народу на этот вечер собралось довольно много, частично наша компания: Тихомировы, Шагимуратов, Силячевская, Бирюковы, а также учителя ладушкинской школы Алевтина Михайловна Медведева, Марта Павловна Ломакина, кто-то ещё и Борисенко, внешне довольно привлекательный мужчина возраста Аллы Николаевны, то есть лет на пять постарше нас. Он ухаживал за Алевтиной и ради неё-то, похоже, и ездил в Ладушкин.

—После нескольких рюмок, когда окончательно установилась непринужденная атмосфера, я стал приставать к Борисенко, вызывая его на спор. Он не очень-то вначале поддавался на мои провокации, но потом расшевелился, увлёкся и даже горячился. Разговор шёл вначале о Китае, потом начал скакать туда-сюда, как это обычно бывает в спорах на темы политики. Подвернулся повод прочесть письмо Раскольникова Сталину, оказалось, Борисенко о нём не слышал. Я сбегал за ним домой, прочитал вслух...

—Потом говорили о передачах Би-Би-Си, "Голоса Америки", степени их объективности. "Голоса" тогда всюду предупреждали о возможном военном вмешательстве Советского Союза в чешские события, а Борисенко пытался их опровергать, что, мол, ничего подобного, клевета.

—- Ну, а как же войска, резервисты? Простой народ здесь и тот не сомневается, к чему всё это.

—- Ерунда, обычные учения, ну, может, демонстрация, самое большее, - утверждал Борисенко.

—В самом деле он так думал или прикидывался, трудно сказать. Он не производил впечатления рьяного ортодокса. Для своего положения он был сравнительно демократичен и неглуп, во всяком случае допускал возможность хотя бы застойной критики существующего строя. Но, разумеется, не больше того. Алла Николаевна, пожалуй, дала завышенную оценку его как личности.

—В разговоре с ним я не забывал, с кем имею дело, и крайних суждений не высказывал. Тем неожиданной для меня оказались последствия этого разговора, проявившиеся через полгода.

В августе Сашенька взяла отпуск и мы поехали в Севастополь. Иринку в это время уже забрали из Севастополя Сашенькины родители (её увезли на поезде Бургвицы 28 июня и в Москве передали Ярцевым), переехавшие в начале лета из Тейково во Владимир. Тесть мой, Николай Степанович, демобилизовался и выбрал в качестве постоянного места

жительства Владимир. Там он устроился работать преподавателем во Владимирский политехнический институт (по военной профессии он - автомобилист).

Милочка, мама и Иринка в Севастополе летом 1968 г.

Иринка в Тейково летом 1968 г. (перед переездом во Владимир)

— В Севастополе 21 августа из газет и радио я узнал о вторжении войск Варшавского договора в Чехословакию по "приглашению" анонимной "группы членов правительства ЧССР". В течение одной-двух недель с "обновлением" социализма в Чехословакии было покончено. Акции протеста вроде самосожжения Яна Палаха были, в сущности, последними воплями отчаяния... Протесты зарубежных общественных и политических деятелей, включая руководство западных компартий, хладнокровно игнорировались советским правительством.

— С военной точки зрения всё было исполнено на высшем уровне профессионального мастерства. "Антей" с танками приземлились ночью в Пражском аэропорту и через час первые танки были уже в Праге, остальные части в это время почти беспрепятственно двигались от границ с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, ГДР внутрь Чехословакии по всем пронизывающим её дорогам. В кратчайшее время в Чехословакию был введён контингент войск порядка нескольких (600, кажется) сот тысяч человек, сопоставимый по численности со всей наличностью войск НАТО в Европе.

— "Ленин, проснись, - Брежнев взбесился", - такими плакатами встречали оккупантов чешские студенты. Попыток вооружённого сопротивления практически не было - настолько ясна была их самоубийственная бесполезность.

— Как раз в один из этих дней начала оккупации мы с Сашенькой отправились самолётом из Симферополя в Москву, чтобы забрать из Владимира Иринку. Прилетели во Внуково поздно вечером, аэропорт был переполнен пассажирами настолько, что присесть негде было. Говорили, что только что прилетел самолёт из Праги, на котором в Москву привезли всё высшее партийное и государственное руководство Чехословакии. Думаю, что караул в этот раз если и был, то не почётный, как обычно, а самый что ни на есть настоящий.

— Ночь мы с Сашенькой промаялись на скамейке в скверике перед зданием аэропорта, а утром на автобусе уехали во Владимир.

— Вечерами во Владимире я прилипал к приёмнику, слушая сообщения "Голоса Америки", Би-Би-Си, "Свободы", "Немецкой волны" о событиях в Чехословакии и вокруг них. Это явно раздражало Николая Степановича, да и тещу тоже. Вообще-то к моим взглядам на нашу действительность они постепенно привыкли и со многим даже

соглашались, хотя вначале гневно возмущались любым неправовым высказыванием. Но западные передачи не могли терпеть органически.

___- И чего ты там хорошего находишь? Ведь врут они всё, - был их главный тезис.

___- А наши не врут? - спрашивал я.

___- Ну, бывает иногда. Так это из высших только соображений. Народу ведь всё не объяснишь.

___- Ну, а раз наши могут врать, значит, и тех и других слушать надо, чтобы разобраться, что на самом деле происходит.

___ Отношение к чешским событиям у них было стандартное, как и у большинства особо не рассуждающих советских людей, внушённое отечественной пропагандой: "Если бы не мы, то в Чехословакию вошли бы западные немцы и отняли бы её от нас, а мы за этих чехов кровь проливали".

___- Да зачем западным немцам-то в Чехословакию входить?

___- А чтобы у нас отнять!

___- Да зачем отнимать-то?

___- А чтобы выйти к нашим границам по чехословацкому коридору и напасть потом на нас.

___- Неужели они такие дураки, что как в мешок сунулись бы в этот коридор, с трёх сторон ограждённый соцстранами?

___- А кто их знает. Говорят, документы нашли, что натовцы собирались оккупировать Чехословакию, да мы их опередили.

___ И всё это с глубочайшей убеждённостью, основанной на том, что раз наши ввели войска, значит, на то были веские стратегические причины.

___ Причины-то, конечно, были, да не натовских войск наши боялись, а идей "социализма с человеческим лицом", заразивших Чехословакию. Именно опасности распространения этих идей не ощущал простой советский народ, да он и не был с ними знаком, в сущности. Зато эту опасность прекрасно чувствовали руководители советского общества, креслам которых эти идеи в первую очередь угрожали...

[\(продолжение следует\)](#)